

Сказка Туве Янссон " Мемуары папы Муми-тролля " Глава седьмая

в которой я описываю триумф преображенного "Морского оркестра" и богатое приключениями погружение в морскую глубину

Вот и миновал день летнего солнцестояния (между прочим, в этот день родилась младшая дочь Мюмлымамы – Мю. Ее имя значит: самая маленькая на свете). Цветы распустились, созрели яблоки, поспели и были ведены другие вкусные фрукты, и я, не зная, как это случилось, сделался домовитым домоседом. Дело зашло так далеко, что я даже посадил бархатцы на командирском мостике навигационной каюты и начал играть со Шнырьком и Самодержцем в пуговицы.

Ничего необыкновенного не происходило. Мое привидение сидело в углу возле кафельной печки и вязало шарф и чулки – весьма полезное занятие для привидения, у которого плохо с нервами. Вначале ему в самом деле удавалось напугать подданных короля, но потом привидение заметило, что подданным нравится, когда их пугают, и перестало этим заниматься.

А Мюмла выдумывала небылицы одна увлекательней другой. Один раз пустила слух, что дронт Эдвард нечаянно растоптал Самодержца! Я, к сожалению, привык всему верить и очень обижаюсь, узнав, что меня обманули и что надо мной насмеются.

Иногда к нам на отмель приходил дронт Эдвард и ругался по старой привычке. Юксаре отвечал ему тем же. А вообще–то Юксаре был ужасным бездельником: ел да спал, загорал, хихикал вместе с Мюмлой–мамой да лазил по деревьям. Сначала он перелезал и через каменные стены, но когда узнал, что это не запрещается, перестал. Тем не менее он уверял, будто чувствует себя здесь отлично.

Иногда я видел, как мимо проплывают хатифнатты, и после этого целый день ходил грустный.

И еще. Я стал ужасно беспокойный, мне вдруг до смерти надоела благополучная и однообразная жизнь и захотелось, так сказать, отчалить отсюда.

Наконец такая возможность представилась.

У двери навигационной каюты появился Фредриксон, на голове у него была новенькая капитанская фуражка с двумя позолоченными крылышками!

Я бросился опрометью вниз по лестнице.

– Привет, Фредриксон! – закричал я. – Ты заставил его летать?!

Он положительно замахал ушами.

– Ты рассказал об этом кому–нибудь? – спросил я. Сердце у меня сильно колотилось.

Он отрицательно покачал головой.

И в ту же секунду я снова превратился в искателя приключений. Я чувствовал себя большим, сильным и красивым! Ведь Фредриксон мне первому рассказал, что изобретение готово! Даже Самодержец еще не знал об этом.

– Скорее! Скорее! – закричал я. – Давайте укладывать вещи! Я раздам свои бархатцы. Подарю свой дом! Ах, Фредриксон, меня просто распирает от всяких идей и ожиданий!

– Это хорошо, – сказал Фредриксон. – Но сначала будет торжественное открытие и экспериментальный полет. Мы же не можем допустить, чтобы король лишился праздника.

Экспериментальный полет должен был начаться в тот же день. Преображенный речной пароход, накрытый красной тканью, стоял на помосте перед тронном Самодержца.

– Черное покрывало было бы куда уместнее, – заметило привидение и принялось вязать с таким остервенением, что нитки аж заскрипели. – Или кисея, серая, как полуночный туман. Ну знаете, цвет ужаса.

– Надо же такое болтнуть! – сказала Мюмла–мама, которая пришла на открытие, прихватив с собой всех своих детей. – Здравствуй, дорогая дочка! Ты уже познакомилась со своими самыми младшими братцами и сестричкой?

– Милая мамочка, значит, у меня опять появились новенькие родственники? – вздохнула Мюмла. – Скажи им, что их старшая сестра – принцесса Королевской Вольной колонии – полетит вокруг Луны на летающем речном пароходе.

Братцы шаркнули лапками, а сестричка поклонилась и уставилась на нее.

Фредриксон залез под покрывало, чтобы проверить, все ли в порядке.

– Что–то застряло в выхлопной трубе, – пробормотал он. – Юксаре! Поднимись на борт и пусти в ход большую щетку!

Через минуту большая щетка заработала, и из выхлопной трубы полилась какая–то каша и брызнула Фредриксону в глаза.

– Что за ерунда! – оторопел он. – Овсяная каша!

Деточки Мюмлы–мамы закричали от радости...

– Извините, – сказал, чуть не плача, Шнырек. – Я не выбрасывал остатки завтрака в выхлопную трубу!

– В чем дело? – недовольно спросил Самодержец. – Можем Мы начинать Нашу торжественную речь или вы еще не готовы?

– Да это все моя малютка Мю! – восторженно пояснила Мюмла–мама. – Такое необыкновенное дитя! Вылить кашу в выхлопную трубу!

Надо же такое придумать!

– Успокойтесь, мадам, – довольно холодно сказал Фредриксон.

– Так Мы можем начинать или нет? – ерепенился король.

– Начинайте, Ваше величество, – ответил я.

Громко запищала туманная сирена, потом приблизился Добровольный оркестр хемулей, и Самодержец под ликующие крики собравшихся уселся на трон. Когда все замолчали, он сказал:

– Наш бестолковый старый народ! Сейчас подходящий случай сказать вам несколько глубокомысленных слов. Взгляните на Фредриксона, Нашего Придворного Изобретателя. Он приготовил Нам самый большой сюрприз: нечто для передвижения по земле, по воде и по воздуху. Задумайтесь! Вот вы нюхаете табак в своих норах, что–то грызете, в чем–то роетесь, хлопчете не по делу и болтаете чепуху. А ведь Мы по–прежнему ожидаем от вас больших дел. Наши злосчастные, невезучие возлюбленные подданные! Постарайтесь придать немного блеска и славы Нашим холмам, а если это вам не под силу, то прокричите, по крайней мере, "ура!" герою дня!

Грянуло дружное "ура!" – да так, что земля задрожала.

Хемули заиграли Королевский праздничный вальс, и, осыпанный дождем из роз и японских жемчужин, вперед вышел Фредриксон и дернул за шнур. Какое мгновение! Покрывало медленно сползло с парохода. Перед нами была незнакомая, странная крылатая металлическая машина! Мне стало ужасно грустно. Но тут я увидел нечто такое, что примирило меня с этим преображением: на пароходе ярко–синей краской было выведено прежнее название – "Морской оркестр"!

Добровольный оркестр хемулей грянул гимн Самодержцу, ну вы же его знаете, с припевом: "Теперь–то все вы удивились, ха–ха–ха!" Мюмла–мама растрогалась до слез.

Фредриксон надвинул фуражку на уши и поднялся на борт в сопровождении Королевской Вольной колонии (дождь из роз и японских жемчужин продолжался), и оот же к пароходу кинулись дети Мюмлы–мамы.

– Извините! – вдруг закричал Шнырек и спрыгнул вниз со сходней. – Я не решаюсь! Подняться в воздух? Меня снова укачает!

Он нырнул в толпу и исчез.

В то же мгновение машина вздрогнула и зарычала. Дверцы плотно захлопнулись, и "Морской оркестр" нерешительно заерзал на помосте. Затем он так сильно качнулся, что я упал навзничь.

Когда я робко глянул в окно, то увидел внизу верхушки деревьев парка Сюрпризов.

– Он летит! Летит! – закричал Юксаре.

Я не нахожу слов, чтобы передать удивительное чувство, охватившее меня, когда мы воспарили над землей. Внезапно я ощутил себя легким и элегантным, как ласточка, все заботы покинули меня, я был быстр, как молния, и непобедим. Прежде всего мне доставляло несказанное удовольствие смотреть вниз на тех, кто остался на земле и с испугом или восхищением пялился на меня. Это был прекрасный, но, к сожалению, короткий миг.

"Морской оркестр", описав мягкую дугу и нацепив усы из белой морской пены, заскользил по воде у самого берега острова Самодержца.

– Фредриксон! – закричал я. – Давай еще летаем!

Он поглядел на меня невидящим взглядом, глаза у него были очень голубые, и весь он светился каким–то тайным торжеством.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"Морской оркестр" погружался прямо в море! Пароход наполнился зеленым прозрачным светом, а за окнами иллюминаторов поплыли, кружась, стаи пузырьков.

– Сейчас мы погибнем, – сказала малышка Мю.

Я прижал нос к стеклу. "Морской оркестр" зажег еще гирлянду лампочек на передней части судна. Они освещали темноту морской пучины слабым дрожащим светом.

Мне стало немного жутко. Вокруг ничего, кроме зеленого мрака. Мы плыли в вечной ночи и полной пустоте. Фредриксон выключил мотор, и "Морской оркестр" бесшумно заскользил вниз, опускаясь все ниже и ниже. Все молчали. Откровенно говоря, мы такого не ожидали.

Только у Фредриксона уши от радости стояли торчком. На нем была новенькая капитанская фуражка, украшенная двумя маленькими серебряными плавниками.

В этой невыносимой тишине я постепенно стал различать странный шепот – с каждой секундой он становился все отчетливее и громче. Казалось, тысячи испуганных голосов на все лады повторяли одни и те же слова: "Морская собака, морская собака, морская собака..."

Дорогие читатели, попробуйте произнести много раз "морская собака" – предостерегающе и очень медленно, – вам наверняка станет страшно!

Теперь мы уже смогли различить множество маленьких теней, выплывавших из темноты. Это оказались рыбы и морские змеи, и у каждой на голове был фонарик.

– Почему же они не зажигают фонарики? – удивилась Мюмла-мама.

– Может, батарейки сели, – предположила Мюмла. – Мама, а кто такая морская собака?

Рыбы подплывали к "Морскому оркестру", с большим любопытством осматривали его и явно что-то хотели нам сказать.

– Дело плохо, – сказал Юксаре. – У меня скверное предчувствие! Я нюхом чую, что они почему-то боятся зажечь лампочки. Подумать только, не смеют зажигать лампочки, которые сами же несут на голове!

– Может, морская собака запретила, – прошептала Мюмла, сама не своя от любопытства. – У меня была тетка по материнской линии, которая ужасно боялась зажигать свой примус, а когда наконец решилась, все взлетело на воздух вместе с ней!

– Сейчас мы сгорим, – сказала малышка Мю.

Рыбы подплывали все ближе. Они прямо прилипали к "Морскому оркестру" и тарасились на наши лампочки.

– Они хотят сообщить нам что-то важное, – догадался я.

Тогда Фредриксон включил свой беспроводной слуховой аппарат. Сначала послышалось шипенье, а потом раздался тысячеголосый жалобный вой:

– Морская собака! Она приближается, она все ближе и ближе... Погаси свет! Погаси скорее свет! Тебя съедят... Сколько ватт у тебя, бедняга кит?

– Да будет мрак, да будет мрак, – сказала одобрительно мое приведение. – Черная ночь окутывает кладбище своим черным покрывалом, а черные пустынные гавани...

– Тише... – шикнул на него Фредриксон. – Я что-то слышу... Мы замерли. Откуда-то издалека доносилось слабое, как пульс, постукивание. Как будто кто-то приближался к нам большими пружинистыми толчками. В один миг все рыбы исчезли.

– Ой! Сейчас нас съедят, – пропищала малышка Мю.

– Я, пожалуй, уложу малышей, – решила Мюмламама. – Ну-ка быстро в постель!

Крошки послушно встали в круг и стали помогать друг дружке расстегивать пуговицы на спине.

– Посчитайте себя сами, – сказала мама. – Я сегодня что-то немножко не в форме.

– А ты нам считаешь? – закапризничали малыши.

– Ну ладно, – согласилась Мюмла-мама. – На чем это мы в прошлый раз остановились?

Дети затрубили в один голос:

–...это кровавое... дело... одноглазого... Боба... промолвил... полицейский инспектор... Твиге... и... вытащил... трехдюймовый... гвоздь... из... уха... убитого... это... должно быть... случилось.

– Хорошо, хорошо, – сказала Мюмла-мама. – Только давайте побыстрее...

А странный шум становился все громче. "Морской оркестр" беспокойно качался, слуховой аппарат шипел, как кошка. Я почувствовал, что шерсть у меня на затылке встала дыбом, и закричал:

– Фредриксон! Погаси лампочки!

Но прежде чем свет погас, мы все-таки успели увидеть чудовище. Морская собака была ужасна и отвратительна, а может быть, это нам показалось именно потому, что мы только мельком взглянули на нее.

Фредриксон включил мотор, но он так сильно волновался, что не мог управлять судном. Вместо того чтобы подниматься, "Морской оркестр" стремительно пошел вниз.

На дне он пустил в ход свои гусеничные приспособления и пополз по песку. По нашим окнам скользили водоросли, будто что-то нащупывающие пальцы. Во мраке и тишине слышалось тяжелое дыхание собаки. Вот среди морской травы мелькнула серая тень. Ее желтые глаза испускали два световых луча. словно прожекторы, они обшаривали борт нашего судна.

– Все под одеяло! – скомандовала Мюмла-мама своим деткам. – И не высовывайтесь до тех пор, пока я не разрешу!

В то же мгновение на корме послышался страшный хруст – морская собака принялась грызть руль.

Но тут огромная волна подняла и опрокинула "Морской оркестр" вверх тормашками. Водоросли полоскались по дну, как распущенные волосы, а вода бурлила. Нас швыряло из стороны в сторону. Дверцы шкафов распахнулись, оттуда вылетела посуда и все остальное: крупа, башмаки Мюмлиных малышей, вязальные спицы привидения, и, что самое неприятное, опрокинулась банка Юксаре с табаком. И все вещи в туче табака исполняли жуткий танец. Вдобавок из морского мрака послышался вой, от которого встали дыбом шерстинки на хвосте у каждого из нас.

Потом наступила тишина, леденящая кровь тишина.

– Мне больше нравится летать, – откровенно призналась Мюмла-мама, – а не нырять. Интересно, сколько детенышей у меня осталось? Посчитай-ка их, милая доченька!

Но едва Мюмла начала считать, как громовой голос проревел:

– Так вот вы где, морровы дети! Никак думали, что сумеете скрыться от меня на дне морском? От меня не спрячетесь! Не спрячетесь от того, кому вы всегда забываете сказать "до свидания"!

– Кто это? – воскликнула Мюмла-мама.

– Догадайся с трех раз! – засмеялся Юксаре.

Фредриксон включил свет, и тут дронт Эдвард, окунув голову в море, поглядел через иллюминатор на всю нашу компанию. Мы старались держаться как ни в чем не бывало и вдруг увидели, что в воде плавают клочья шерсти, кусочки хвоста и усов и еще что-то. Это было все, что осталось от морской собаки! Дронт Эдвард раздавил ее, как яйцо.

– Эдвард! Дружище! – радостно закричал Фредриксон.

– Этого мы никогда не забудем, – заявил я. – Ты спас нас в самую последнюю минуту!

– Малыши, поцелуйте дядю! – воскликнула Мюмла-мама, растроганная до слез.

– О чем это вы говорите? – удивился дронт Эдвард. – Держите свою ребятню! Пострелята еще вздумают залезть мне в уши! Нет! Вы явно становитесь все хуже и хуже! Я все пятки себе оттоптал, пока разыскивал вас, а теперь вы хотите улизнуть от ответственности, да еще подхалимничаете!

– Ты растоптал морскую собаку! – крикнул Юксаре.

– Что ты говоришь! – удивился дронт Эдвард, подпрыгивая. – Опять я кого-то растоптал? Как раз сейчас, когда не на что устроить похороны... Но уж тут-то я ни при чем, честное слово! – И вдруг, разозлившись, закричал: – И, между прочим, как это вы позволяете своим собакам путаться у меня под ногами? Сами и виноваты!

И, глубоко оскорбленный, дронт Эдвард побрел от нас прямо по воде. Но сделав несколько шагов, все-таки оглянулся и сказал:

– Завтра утром приду к вам выпить кофейку. И чтобы он был крепкий!

И вдруг – еще один сюрприз – морское дно осветилось!

– Мы, что ли, горим? – спросила малышка Мю.

Но мы не горели! Это огромные стаи рыб плыли к нам, сверкая множеством огней: карманными фонариками, судовыми и штормовыми фонарями, обычными лампочками накаливания и карбидными лампами, а у некоторых рыб с каждого уха свисали еще и крошечные настенные светильники. Вся рыба компания была вне себя от радости и благодарности.

Море, совсем недавно такое мрачное, переливалось всеми цветами радуги. Ковры из морской травы стали голубыми, и на них ярко выделялись фиолетовые, красные и ярко-желтые анемоны, а морские змеи стояли от радости на голове.

Наше возвращение было триумфальным. "Морской оркестр" бороздил море вдоль и поперек – мимо наших иллюминаторов

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
проплывали мириады морских звезд. Лишь с наступлением утра, вялые и сонные, мы повернули назад, к острову Самодержца.